

Вынесенная в заглавие тема неизменно присутствует на страницах исторических, филологических и археографических периодических изданий XIX и XX вв., а также представлена множеством специальных монографических исследований. Причины интереса к этой теме понятны и не требуют особых разъяснений. Однако в 20—40-е годы текущего столетия интерес этот в силу различных обстоятельств несколько угас¹. Начиная с 50-х годов судьба греческой письменности на Руси и у южных славян вновь привлекла к себе внимание ученых; появляются работы (преимущественно статьи), посвященные древним переводам с греческого языка, происхождению славяно-русского письма, исследованию отдельных памятников.

В деле изучения переводной литературы ведущая роль принадлежит профессору Ленинградского университета Н. А. Мещерскому, автору ряда специальных статей на эту тему, издателю древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. В 1978 г. им выпущена в свет книга «Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков»².

Будучи стесненным небольшим размером книги, Н. А. Мещерский не мог охватить все виды переводной литературы и ограничился поэтому лишь упоминанием таких интересных и малоизученных разделов, как гимнография, учительная литература, каноническое право. Книга является своего рода введением в важнейший, но несколько забытый раздел древней славяно-русской письменности. Систематически приводимые на протяжении всей работы ссылки на труды русских, советских, а также зарубежных исследователей служат не просто библиографическими справками, но свидетельствуют также о неослабевающем интересе к теме и, следовательно, о ее значении для истории отечественной культуры. Особо важной и плодотворной мне представляется последовательно проводимая Н. А. Мещерским мысль о непрерывной, непрекращающейся связи древней переводной литературы с современной русской литературой и современным русским языком. Приведу заключительный параграф по-

следней главы, посвященной переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, в котором автор излагает это важнейшее положение: «И в русской литературе, в особенности в поэзии XIX в., могут быть найдены своеобразные отголоски фразеологии перевода «Истории», связанные с восприятием и словесным обозначением общественных потрясений. Так, сочетание «юноши безумнии» в «Истории Иудейской войны» значит «сторонники крайнего революционного действия»: «... а уюши безумнии на рать разгараху ся» (кн. II, гл. XIV, § 5). Ср. у Пушкина: «Сижу ль меж юношей безумных». Сочетание «възгорится пламень» в «Истории» употреблено в применении к народному восстанию: «Послаша слы к Флорови и къ Агрипѣ, моляще ся има, да приидеть къ граду съ силою, преже даже не възгорится пламень» (кн. II, гл. XVII, § 4). Ср. в ответе декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя». Правда, мы не решаемся в этих случаях заключать о прямом влиянии древнерусского перевода на творчество поэтов начала XIX в. Вероятно, ни Пушкин, ни Одоевский не имели возможности читать текст древнерусского перевода «Истории» Иосифа Флавия. Речь может идти лишь о своеобразной поэтической индукции, передававшейся через века. Но как бы ни воспринимать эти литературные явления, они, по нашему убеждению, могут рассматриваться как прямое доказательство действительности и стилистической силы древнеславянской переводной письменности»³.

Современное состояние советских исследований переводной литературы древнейшего периода заслуживает специального обозрения. В предлагаемой же заметке я намерена обратить внимание на труды, касающиеся переводов с греческого языка более позднего, поствизантийского, времени и на роль греческой книжности в Московской Руси XV—XVII вв. В этих исследованиях примечательны не только рассмотрение самого перевода или его публикация, но в первую очередь методика кодикологической работы, которая получает все большее распространение в советской археографии. Итак, ниже я остановлюсь на трех следующих книгах:

Р. Б. Тарковский. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975.

Б. Л. Фонкич. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977.

Николай Спафарий. Эстетические трактаты/Подготовка текстов и вступительная статья О. А. Белобровой. Л., 1978.

Книга Р. Б. Тарковского посвящена одному памятнику—переводу басен Эзопа, выполненному в 1607 г. переводчиком Посольского приказа Федором Гозвин-

¹ См.: Курбатов Г. Л. История Византии: (Историография). Л., 1975, гл. VI и VII.

² Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков: (Учебное пособие). Л., 1978. В книге имеются сведения и о переводах с латинского и древнееврейского языков, но большая ее часть посвящена, понятно, переводам с греческого. Напомню, что Н. А. Мещерскому принадлежит заслуга возобновления занятий переводной письменностью на кафедре русского языка Ленинградского гос. университета.

³ Мещерский Н. А. Указ. соч., с. 108.

ским. Вначале автор сообщает о знакомстве с басенным жанром на Руси, начиная с перевода «Стефанита и Ихнилата» и приточной традиции библейских книг и до чтения Эзопа на языке оригинала, что включалось, например, в программы обучения западнорусских школ в конце XVI в. (с. 5—7). Сам Гозвинский, родом украинец, также, очевидно, получил образование в одном из «юго-западных братских училищ, где само преподавание велось на церковно-славянском и не менее усердно штудировался древнегреческий»; там же он мог познакомиться и с латынью.

Оригиналом для перевода Гозвинского послужила наиболее поздняя, переработанная в духе «аттицизма», византийская рецензия Эзопа, так называемый «кодекс Аккурсия», опубликованный в 1479—1480 г. в Милане и многократно переиздававшийся в последующие годы. Одно из таких изданий, скорей всего, базельское издание 1606 г., и было использовано Гозвинским, который перевел также составленное Максимом Планудом жизнеописание Эзопа (этот перевод дважды издавался в петровскую эпоху) и принадлежащие римскому ритору Афонию софисту рассуждения о басне, познакомив тем самым за полтора года до Ломоносова русского читателя с теоретической характеристикой жанра. Описав последующие древнерусские переводы басенных сборников с немецкого и польского языков и повествовательно-стилистические традиции этих переводов (с. 7—17), их судьбу в XVII—XVIII вв. и подчеркнув особо враждебное отношение к ним русской церкви (с. 32—37), автор отмечает, что наибольшее распространение получили переводы, представляющие культуру книжной, так называемой «церковно-славянской» речи, которые «обращались в столице и на окраинах, хранились в боярских библиотеках и в демократической среде села и посада, в мирских и монастырских собраниях, у служителей официальной церкви и у расколников-старообрядцев» (с. 18—19).

После исторического обзора бытования басен Эзопа в России в XVII—начале XVIII в. и первых опытов оригинального творчества в этом жанре исследователь обращается к лингво-стилистическому анализу перевода Гозвинского — «Притчей или баснословия Эзопа Фриги». Перевод рассматривается в русле нового утверждения в XVII в. еллино-славянских тенденций семантико-фразеологического и структурно-грамматического отражения греческого языка в ряду различных попыток и форм приспособления книжно-славянского языка к новым культурно-историческим условиям и нуждам. Автор выявил 27 списков перевода, подразделяемых им на ряд текстологических групп и редакций⁴.

В центре исследования — рассмотрение языка и стиля перевода (с. 41—190), в частности их отношение к греческому оригиналу, а также последующие изменения их в списках. Отмечается тщательное следование перевода греческому источнику, чем в значительной мере обусловлена повествовательно-стилистическая структура русского текста (с. 41). Так, влиянием греческого оригинала объясняется необычно высокая насыщенность текста глагольными, прежде всего причастными формами (с. 54—56, 66), а также калькирование синтаксических оборотов греческого текста вплоть до повторения конструкций, не присущих славянской речи (с. 76—82), и передача греческих композитов (с. 128—135). Особо рассматривается представление в переводе экзотических, малознакомых русскому читателю зооморфических и мифологических персонажей и связанное с этим представление и наименование сопутствующих им реалий и атрибутов. Как одно из следствий этого отмечается смысловое смещение традиционной конфессиональной терминологии старославянского языка, семантическое расширение и обмирщение таких лексем, как «бог», «алтарь», «святотелище», «жертвенник», а также «душа», «покаяние», «божья благодать», «вера», «исповедание», «смирение», ни одной из которых не присуще конфессиональное употребление в тексте перевода (с. 153—158, 161).

Одним из основных утверждений автора представляется следующее: в возрождавшемся с начала XVII в. интересе к беллетристическим жанрам особая роль басни состояла в том, что в центре дидактического повествования здесь оказывался не религиозный долг христианина, но «нравственный облик человека в его отношениях к самому себе и себе подобным, а не в его обязанностях перед богом» (с. 170). Завершается работа общей оценкой языка и стиля перевода как факта светской литературы (с. 191—197).

Книга Б. Л. Фонкича посвящена истории собраний греческих рукописей в России XV—XVII вв. и роли этих собраний в истории отечественного просвещения. Такого рода исследование, построенное на углубленном изучении подлинных («живых», по выражению автора) рукописей, с привлечением современной методики кодикологических штудий, предпринято впервые. Предшествующие труды дореволюционных и советских археографов по истории собраний греческих рукописей на Руси указаны в рассматриваемой книге (см., например, с. 3—4 и др.).

В работе четыре главы, которым предпослано введение; имеются два приложения, где опубликованы (на греческом языке с русским переводом) два документа

⁴ См.: *Тарковский Р. Б.* Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975, с. 49—53. Специально эти редакции и содержание их изменений рассматриваются в работе:

Тарковский Р. Б. Эстетическая ассимиляция басенного жанра: (Повествовательные редакции первого перевода Эзопа). — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве XVII—начала XVIII в. М., 1976, с. 186—230.

1654 и 1662 гг. о присылке в Москву двух греческих рукописей и греческие записи из рукописи XVI в., находящейся в Библиотеке Румынской академии наук, содержание которых касается московских событий 1598—1605 гг. В книге использованы 521 рукопись советских собраний, 41 рукопись зарубежных хранилищ, 37 документов, 72 старопечатных книги.

В первой главе собраны данные о греческом книгописании в России в XV—XVI вв. Автор перечисляет рукописи, имеющие записи писцов, а затем, основываясь на анализе почерка, устанавливает принадлежность других кодексов тому или иному писцу. Так, было определено, что трапезундский епископ Феодул, будучи в Москве в начале XV в., переписал два кодекса, один из которых находится в настоящее время в Ватиканской библиотеке, а второй — в ГИМ. Попутно определены рукописи, принадлежавшие митрополиту Фотию, и рукописи, позднее вывезенные из Москвы в Италию Исидором. Значительный интерес представляют факты, касающиеся члена литературно-ученого кружка новгородского архиепископа Геннадия Тимофея Вениаминова, который переписал четыре сохранившихся до нашего времени кодекса. К XVI в. относятся 17 греческих рукописей, написанных в пределах России Максимом Греком, Иерофеем Монеувасийским, Арсением Елассонским и другими греками, приезжавшими в Москву на недолгое время или же оставшимися здесь на всю жизнь.

Вторая глава посвящена поездке Арсения Суханова на Афон за греческими рукописями; как известно, эта поездка была одним из важнейших подготовительных мероприятий для проведения намеченного патриархом Никоном и русским правительством исправления церковных книг. Путем кодикологического анализа привезенных Арсением рукописей выяснены ранее неизвестные обстоятельства отбора книг в афонских монастырях, изучено происхождение имеющихся на кодексах помет, составлены более полные (в сравнении с результатами С. А. Белокурова) перечни рукописей, взятых из разных монастырей.

В третьей главе «Греческие рукописи на Печатном дворе во второй половине XVII в.» изложены судьба рукописей, привезенных Сухановым, использование этих книг справщиками (переводчиками и издателями) московского Печатного двора, характер этого использования, словом, значение этих книг для русского просвещения XVII в. Наконец, в последней главе рассказано о судьбе двух коллекций греческих рукописей, привезенных на Москву в конце XVII в. Сведения о рукописях этих коллекций и их история послужили Б. Л. Фонкичу материалом для установления новых данных об их владельцах — Дионисии из Янины и иерусалимском патриархе Досифее, а также о других ученых греках XVII столетия, например о Севасте Киминитисе.

Труд Б. Л. Фонкича построен на глу-

боком, тщательном кодикологическом исследовании рукописей, с последовательным привлечением разнообразных источников иного рода (средневековые описи библиотек, летописные известия, русские и иноязычные документы). Исключительно плодотворный метод идентификации по почерку применяется как для определения писцов, так и владельцев книг и их читателей. В книге показана роль самих книг и книжных собраний и их использование русскими просветителями XV—XVII в., точнее выяснена деятельность некоторых из этих просветителей (Арсений Грек, Дионисий Грек, Арсений Елассонский), выявлены и изучены факты, характеризующие уровень знаний греческого языка в кружке архиепископа Геннадия, и многие другие.

О. А. Белобровой, уже не один год изучающей сочинения Николая Спафария, изданы следующие его трактаты: 1) «Книга избранная вкратце о девяти мусах и о семи свободных художествах»; 2) «Книга о сивиллах, колика быша и киими имяны и о предсказаниях их»; 3) «Арифмология, сиречь числословие всех иже нас учить могут числом объемлемое»; 4) «Книга иероглифическая священноваятельная, сиречь тайнописменная, яко обыкоша египтяне и еллина неписменным, но живописание неким тайным и премудрым явити высокую мудрость и учение». В приложении напечатаны «Сказание о семи свободных мудростех» и «Сказание о двенадцати сивиллах». Имеются археографические обзоры привлеченных в издании списков, а также иллюстрации, заимствованные из использованных рукописей. Во введении сообщены сведения о литературно-переводческой деятельности Спафария, некоторые биографические данные о нем; говоря об источниках сочинений Спафария, О. А. Белоброва указывает использованные им греческие и латинские памятники, отмечает знание автором давних традиций древней русской письменности (с. 16). Однако среди источников надо было обязательно назвать пост-византийские сборники учебно-просветительского содержания, которые несомненно были хорошо знакомы Спафарию⁵. Даже при беглом сличении тех и других текстов бросается в глаза, как много в них общего, например в таких поздних греческих сборниках встречаются многочисленные и разнообразные грамматические сведения, сведения по диалектике, географии и другим отраслям знания, рассыпанные в разных местах сочинений Спафария. Обращает на себя внимание также известная сумбурность, неупорядоченность состава этих сборников, которые, видимо, составлялись на протяжении длительного времени, не в каче-

⁵ Об этих сборниках см., например: *Самодурова З. Г.* Греческие рукописные сборники, содержащие малые византийские хроники, и их классификация. — В кн.: *Проблемы палеографии и кодикологии в СССР*. М., 1974, с. 200—241.

стве законченного единого целого, а как собрания постепенно накапливаемых записей, позднее переплетавшихся в виде книги. О. А. Белоброва обращает внимание на давно подмеченную в научной литературе неряшливость Спафария, недоделанность или незавершенность его сочинений, что следует объяснять, очевидно, не только личными его качествами как писателя, но и указанным выше характером использованных им источников. Что касается источников «Арифмология», в которой наблюдается «числовое подчинение» выражения мыслей (с. 16), то такой методический прием был известен на Руси уже в XIII в., в так называемой «Народной Библии» или в «Беседе трех святителей»; в этом тексте встречаем такие вопросы: «на koliko частей раздели Бог доброту Адамову» (ответ — на 7 частей), «koliko есть рода птичней» (ответ — 140 родов), о размерах Ноева ковчега, о восьми элементах первого человека и т. д.⁶ В русской обработке «Беседы трех святителей» читается об ангелах стихий, о ветрах (их четыре), о девяти чинах — силах небесных и др. Приведенные примеры позволяют точнее определить место «Арифмология» в традиционно-аллегорическом истолковании числовых выражений средневековья.

Итак, изучение интересующей нас тематики ведется по разным направлениям,

с привлечением все новых и более разнообразных источников. В процессе работы глубже и разностороннее выявляется характерная особенность восприятия поздней греческой образованности (черта эта была, разумеется, присуща и древнейшему периоду культурных связей древней Руси с Византией), передаваемой не только путем личного общения с учеными греками, посещавшими Москву, но и путем использования письменных памятников, самих книг, а именно активный характер восприятия греческой культуры. Употреблявшееся и поныне употребляемое понятие «влияния» или «заимствования» иноземной культуры, иноземной образованности приобретает иной, более четкий и соответствующий реальному ходу истории смысл. Греки, приезжавшие в Москву и трудившиеся здесь в качестве переписчиков, справщиков книг или учителей, включаются в жизнь образованного общества страны, а привозимые ими рукописи используются для нужд просвещения; переводы текстов служат тому же делу. Особенно значительным и важным представляется то обстоятельство, что рецензируемые книги посвящены XV—XVII столетиям, т. е. периоду становления русского национального языка и времени, непосредственно этому процессу предшествовавшему.

Е. Э. Гранстрем

Г. К. Вагнер. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1974

Книга Г. К. Вагнера, изданная уже несколько лет назад, долго не будет терять своей новизны, поскольку она посвящена почти незатронутым в искусствоведении вопросам о жанрах (как «содержательной форме») в искусстве Древней Руси XI—XV вв.

В отзыве на эту книгу Т. Б. Уховой¹ уже было раскрыто значение поднатых Г. К. Вагнером проблем для разработки теоретических и методических основ изучения древнерусской культуры и для подхода к стилиобразующим категориям средневекового искусства в целом.

Постановку вопроса о жанрах в древнерусском искусстве Г. К. Вагнер основывает на византийской теоретической мысли. Он обращается к высказываниям по поводу рода и вида в искусстве у Иоанна Дамаскина, Феодора Студита и других авторов (с. 23—27). Г. К. Вагнер предупреждает читателя, что виды живописи, упоминаемые Иоанном Дамаскином, он уподобляет жанрам (с. 27). Жанры понимаются автором как исторически сложившиеся изобразительные структуры, имманентно наделенные определенным смыслом (с. 38). В книге оговаривается,

что иконографию и жанры следует непременно различать, отнюдь не смешивая их (с. 40—41). За основной задачей своего труда, сформулированной в его названии, автор видит и следующую — стилиобразующую роль жанров, стиливую проблематику древнерусского искусства в связи с жанрами.

Оригинальное исследование Г. К. Вагнера — результат многолетних раздумий автора и поисков закономерностей в развитии древнерусского искусства XI—XV вв., в частности на материале владими́ро-суздальской скульптуры. Этот материал не только «прочтен» Г. К. Вагнером, он еще и реконструирован, систематизирован и глубоко осмыслен в общем контексте средневековой культуры².

Значение книги Г. К. Вагнера о жанрах в искусстве Древней Руси важно не только для искусствознания. Проблема жанров, система жанров давно изучаются в литературоведении, в частности на материале древнерусской литературы. Достаточно вспомнить специальные работы

⁶ См.: Мочульский В. Н. Следы народной библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса, 1893, с. 71—72, 77, 87, 155, 158 и др.

¹ Советское искусствознание, 75. М., 1976, с. 357—363.

² См.: Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964; Он же. Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966; Он же. Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово (XII в.). М., 1969; Он же. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975; и др.